

М. М. Сафонов

«Агентка Геккерна» (А. А. Ахматова и Н. Н. Пушкина)

После смерти А. А. Ахматовой в ее письменном столе остался целый ряд неопубликованных рукописей. Одна из них называлась «Гибель Пушкина». Только в 1973 г. журнал «Вопросы литературы» опубликовал ее¹. С тех пор эта работа входит во все собрания сочинений Ахматовой. В начале 1960-х гг. она дала несколько интервью, в частности Агентству печати и новостей, корреспонденту газеты «Известия»². Из этих интервью явствует, что незадолго до кончины А. А. Ахматова назвала свои статьи о гибели поэта почти готовыми³. Однако до самой своей смерти Анна Андреевна так и не отдала их в печать, считая их не вполне законченными. Поэтому при оценке этих статей нельзя сбрасывать со счетов того важного обстоятельства, что сама Ахматова так и не обнародовала их при жизни, продолжая работу над ними вплоть до последних дней.

В 1958–1959 гг. Ахматова готовила к печати сборник своих статей о Пушкине. В плане издания значилась главы из книги «Гибель Пушкина» 1946–1959 гг.⁴ Но в действительности работа над историей гибели поэта началась гораздо раньше. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится машинописный авторизованный экземпляр статьи «Гибель Пушкина» с пометкой рукой Анны Андреевны (впоследствии отметка была вычеркнута): «Работа эта сделана уже очень давно, в основном еще до войны. В дальнейшем мне приходилось только вставлять в нее новые сведения... которые ни разу не противоречили первоначальной концепции»⁵.

Итак, работа о гибели Пушкина была написана в основном до войны, т.е. во второй половине 1930-х гг. Возможно, она готовилась к столетней годовщине смерти Пушкина, которая отмечалась в 1937 г.

Э. Г. Герштейн, комментируя пушкинские штудии Анны Ахматовой, назвала ее построения о гибели поэта «художественной концепцией» и выделила как отличительную их черту «воображение художника»⁶. С этим трудно не согласиться. В самом деле, психологически тонкие наблюдения Анны Ахматовой, с которыми охотно соглашаются профессиональные пушкинисты, подчеркивая пронизательность взгляда поэта, еще не дают достаточных оснований, чтобы рассматривать эту работу как научное исследование⁷. Этого и не надо делать. Ведь перед нами литературное произведение, которому лишь придана форма документального исследования. Ахматова нарисовала нам гибель Пушкина такой, какой рисовало ее поэтическое воображение.

Отправным пунктом этой «художественной концепции» явилась работа известного пушкиниста П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина»⁸. Сразу после гибели поэта П. А. Вяземский создал легенду о смерти Пушкина. Согласно этой легенде, Пушкина убил свет. Она была создана Вяземским для того, чтобы защитить материальные и моральные интересы семьи Пушкиных и скрыть собственную роль в этой трагедии⁹. Со временем версия П. А. Вяземского стала канонической. Но она была внутренне противоречива. В ней было очень много недосказанного, а в ряде случаев концы не сходились с концами. Охраняя доброе имя Пушкина и его жены, П. А. Вяземский старался снять всякое подозрение в виновности вдовы поэта, а между тем из его построений явствовало, что именно ее легкомысленное поведение давало обильную пищу для светского злословия, которое и «зарезало» в конце концов великого писателя¹⁰. Недостаточную убедительность тенденциозных построений князя попытался преодолеть П. Е. Щеголев в своих работах, но это не удалось сделать даже такому виртуозу, каким был этот выдающийся пушкинист¹¹. Не знаем, как складывались отношения П. Е. Щеголева с женщинами, но в его работах ощущался некий привкус женоненавистничества.

Стремление во что бы то ни стало сделать Наталью Николаевну главной виновницей гибели Пушкина было слишком откровенным, чтобы быть не замеченным даже профанами. П. Е. Щеголев очень предвзято трактовал свои источники в невыгодном для Натальи Николаевны свете. Если даже сомнительные сведения служили обвинению жены Пушкина, историк не останавливался перед тем, чтобы на них опереться. В итоге получалось, что не столько Дантес был влюблен в Пушкину, «сколько она в него»¹². Хотя Пушкина и чувствовала приближение грозы, но уже не могла оторваться от «увлекательного» Дантеса, к которому эту пустую и легкомысленную женщину тянула «неодолимая сладкая сила»¹³. Хотя П. Е. Щеголев пытался расставить все точки над и, его работы, так же как и сочинения П. А. Вяземского, оставляли ощущение чего-то недосказанного и недоговоренного. А. А. Ахматова попыталась переосмыслить его по-

строения, расцветить их психологическими наблюдениями, додумать, дописать то, что оставалось темным и непонятным. От П. Е. Щеголева А. А. Ахматова унаследовала неприязнь к Наталье Николаевне¹⁴. Под пером Анны Андреевны жена поэта превратилась в «агентку Геккерна»¹⁵. Голландский посланник же был представлен этаким «злодеем», который искусно манипулировал светским обществом. Словно гнусный волшебник, направлял он мнение света в нужное для себя русло и добивался с легкостью всего, чего желал¹⁶.

Было бы непростительной ошибкой разбирать построения А. А. Ахматовой с точки зрения соответствия их исторической действительности. Ведь, как мы уже говорили, перед нами литературное произведение, которому лишь придана форма документального исследования. Однако от этого работа не перестала быть произведением художественным. А. А. Ахматова описала то, как бы ей хотелось видеть обстоятельства гибели Пушкина. А почему ей было непременно нужно отвести Наталье Николаевне именно такую роль в трагедии, наверное, смогут объяснить только психоаналитики. Хотя, скорее всего, она находилась под впечатлением от работ П. Е. Щеголева, авторитетнейшего пушкиниста, пользующегося большой популярностью в советское время.

Пожалуй, сегодня самое интересное в сочинении А. А. Ахматовой — это язык. Именно он оставляет самое сильное впечатление и может рассказать о самой Анне Андреевне больше, нежели она сама поведала нам о гибели Пушкина.

Вот несколько примеров специфического языка, которым написано это сочинение. В работе А. А. Ахматовой едва ли не все действующие лица трагедии становятся жертвами одного человека — старой дипломатической лисы Геккерна, мастера склоки. Первой жертвой его стал сам Дантес, хотя некоторое время ему удавалось водить за нос своего названного отца. Затем наступила очередь Натальи Николаевны. «Она была задумана как передатчица Пушкину неудачи его политики»¹⁷. Наталья Николаевна неплохо справилась «со своим заданием»¹⁸. К этой роли была близка и Софья Николаевна Карамзина. Все-го чего угодно добивался посланник от Екатерины Николаевны Гончаровой. Это от того, что все они были буквально загнипнотизированы Дантесом. Прочие члены дантесовской «веселой шайки» «сообщали через своего главара голландскому послу все, что делается у Пушкиных»¹⁹. «Также, несомненно, Геккерн организовал кавалергардов»²⁰. Геккерну предстояло обеспечить почетное возвращение Дантеса в Европу «после провала петербургской карьеры»²¹. При этом Геккерн являлся «самым настоящим предателем по отношению к своей belle fille»²².

Наталья Николаевна не знала о том, что «в посольстве фабрикуется документ, порочащий ее честь»²³. «Прижизненной победе Геккерна не приходится удивляться: проваренная в дипломатических интригах дипломатическая лиса должна была успешно провести всю операцию и даже замести следы, но как русское общество не разоблачило “котильонного принца” Дантеса?»²⁴ «Злонамеренное вранье подозрительного барона»²⁵. «Это опять информация

Натальи Николаевны и опять ложная»²⁶. В другом варианте текста значилось: «Информация Натальи Николаевны (тоже направляемая Геккерном) была типичной дезинформацией»²⁷. «Геккерн сразу и до конца понял линию поведения Пушкина»²⁸. Геккерн знал, что Пушкин был намерен выставить Дантеса трусом и сделать его смешным, и стал превращать своего сына в героя. Дантес симулировал несчастную страсть на всех петербургских балах. Сплетники честно сделали свое дело, но надо было еще довести до сведения Пушкина, что Дантес — благородный молодой человек. В план Геккерна вошла задача возложить эту миссию на Наталью Николаевну. Она пересказывала мужу новеллы посланника о благородстве Дантеса, «становясь таким образом агенткой Геккерна»²⁹. «Таким же агентом Геккерна был и Долгоруков-bancal»³⁰. «Наталья Николаевна снабдила мужа достаточным материалом для бешенства самого безудержного»³¹. «Если январское письмо построено на информации, доставленной Натальей Николаевной, в ноябрьском чувствуется еще один голос»³². «Можно предположить двойную игру Долгорукова, не он ли информировал Пушкина и дал ему материал для ноябрьского письма...»³³ Письмо П. А. Вяземского к великому князю Михаилу Павловичу — «это и есть констатирование полного провала пушкинской политики (он морально убит)»³⁴.

«Передатчица», «задание», «предатель», «провести операцию», «ложная информация», «подозрительный барон», «типичная дезинформация», «линия поведения», «агент», «агентка», «сделать свое сообщение», «снабдить материалом», «построить на информации, доставленной», «дать материал», «констатирование полного провала». Все эти по-своему яркие специфические выражения явно пушкинского времени, они скорее из Третьего отделения, но не николаевского времени, а сталинской эпохи. Если бы все эти выражения вышли не из-под ахматовского пера, они все равно резали бы слух. И не только пушкинистам. Но когда этот лексикон принадлежит А. А. Ахматовой, язык которой всегда ассоциировался с выражением «божественное» или «царственное слово»!

Как бы ни была сильна духом эта женщина, и она оказалась беззащитной перед сталинским тоталитаризмом. Атмосфера шпиономании, постоянная борьбы с внешним и внутренним врагом, который опаснее внешнего, не могла не отравлять сознание и подсознание таких внутренне свободных личностей, как Анна Андреевна. Как бы ни был отгорожен внутренний мир поэта от того, что происходило вокруг, газетная лексика проникала в язык художника. Кроме того, жизнь А. А. Ахматовой складывалась так, что эти специфические выражения ей приходилось слышать не только по радио или читать в передовицах газет. Поскольку Ахматова создавала «Гибель Пушкина» в 1930-е гг., можно было бы отнести языковые особенности текста к намеренной стилизации под язык властей предрежащих, которым такой язык был близок и понятен. Но Ахматова продолжала работу и в конце 1950-х — начале 1960-х гг., т. е. во времена хрущевской «оттепели». Ахматова не исправила текст, не освободила его от ежовской

или ждановской лексики. Более того, она продолжала писать тем же языком. Вот отрывок, датированный 1962 г.: «Можно себе представить, как хорошо была поставлена осведомительная служба Геккерна... Информация Натальи Николаевны (тоже направляемая Геккерном) была типичной дезинформацией...»³⁵

Язык сталинской эпохи настолько подсознательно вошел в «кровь и плоть» художника, что выражения типа: «Наталья Николаевна — агентка голландского посла» не резали слух и тогда, когда ведущие политические деятели страны уже перестали время от времени становиться агентами иностранных разведок. Если же поэт начинает говорить не на своем языке — это и есть подлинная трагедия художника.

Как писал Пушкин, «черт догадал меня родиться в России с душой и талантом»³⁶.

¹ Ахматова А. Гибель Пушкина // Вопросы литературы. 1973. № 2. С. 207–236.

² Ахматова А. Сочинения. Т. 2. Проза и переводы. М., 1990. С. 415.

³ В заготовках для устного сообщения А.А. Ахматова писала: «К 1963 году у меня оказались почти готовыми три работы по Пушкину» (Анна Ахматова о Пушкине. Статьи и заметки. М., 1989. С. 272).

⁴ Анна Ахматова о Пушкине. С. 260.

⁵ Там же. С. 272.

⁶ Герштейн Э.Г. Ахматова-пушкинистка // Там же. С. 329, 260.

⁷ Абрамович С.Л. Пушкин в 1836 году. (Предыстория последней дуэли). Л., 1989. С. 69, 83, 259, 263; Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. СПб., 1999. (Далее: Щеголев). С. 11, 500, 505, 550, 564, 566.

⁸ Щеголев П.Е. История последней дуэли Пушкина: 4 ноября 1836 года — 17 января 1837 года // Щеголев. С. 27–144.

⁹ Сафонов М.М. 1) Смерть поэта — жизнь легенды // Смена. 1997. 24, 31 октября; 2) Кровь Пушкина и на семействе Вяземских? // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3. С. 289–315.

¹⁰ П.А. Вяземский — А. Я. Булгакову 5 февраля 1836 г. // Русский архив. 1879. № 6. С. 246.

¹¹ Сафонов М.М. «Гости на пороге», или Последняя дуэль поэта по П.Е. Щеголеву // Вечерний Петербург. 2000. 14 октября.

¹² Щеголев. С. 395.

¹³ Там же. С. 74.

¹⁴ См. подробно: Сафонов М.М. Ame de dentelles, или Наталья Николаевна и Павел Елисеич // Петербургский исторический журнал. 2021. № 1. С. 185–217.

¹⁵ Ахматова А.А. Гибель Пушкина // Ахматова А. Статьи и заметки. М., 1989. С. 117.

¹⁶ Там же. С. 111.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 112.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 113.

²² Там же.

²³ Ахматова А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 105.

- ²⁴ Ахматова А. А. Гибель Пушкина // Ахматова А. Статьи и заметки. С. 115.
²⁵ Там же.
²⁶ Там же. С. 116.
²⁷ Ахматова А. Сочинения. Т. 2. С. 106.
²⁸ Ахматова А. А. Гибель Пушкина // Ахматова А. Статьи и заметки. С. 117.
²⁹ Там же.
³⁰ Там же.
³¹ Там же. С. 125.
³² Там же.
³³ Там же. С. 127.
³⁴ Там же. С. 132.
³⁵ Ахматова А. Сочинения. Т. 2. С. 116.
³⁶ А. С. Пушкин — Н. Н. Пушкиной 18 мая 1836 г. // Пушкин А. С. Письма к жене. Л., 1986. С. 81.

REFERENCES

- ABRAMOVICH S. L. *Pushkin v 1836 godu. (Predystoriya poslednej dueli)* [Pushkin in 1836. (Prehistory of the last duel). In Russ.] Leningrad, 1989.
 АХМАТОВА А. *Gibel' Pushkina* [The Death of Pushkin. In Russ.] // *Voprosy literatury*. 1973. No. 2. S. 207–236.
 АХМАТОВА А. А. *Gibel' Pushkina* [The Death of Pushkin. In Russ.] // *Akhmatova A. Stat'i i zametki*. Moscow, 1989. S. 110–135.
Anna Akhmatova o Pushkine. Stat'i i zametki [Anna Akhmatova about Pushkin. Articles and notes. In Russ.]. Moscow, 1989.
 АХМАТОВА А. *Sochineniya: v 2 t.* [Essays in two volumes. In Russ.] T. 2. Moscow, 1990.
 GERSHTEJN E. G. *Akhmatova-pushkinistka* [Akhmatova-Pushkinista. In Russ.] // *Anna Akhmatova o Pushkine. Stat'i i zametki*. Moscow, 1989.
 PUSHKIN A. S. *Pis'ma k zhene*. [Letters to his wife. In Russ.] Leningrad, 1986.
 SAFONOV M. M. *Ame de dentelles, ili Natal'ya Nikolaevna i Pavel Eliseevich* // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. 2021. No. 1. S. 185–217.
 SAFONOV M. M. "Gosti na poroge", ili *Poslednyaya duel' poeta po P. E. Shchegolevu* ["Guests on the threshold" or the Poet's Last Duel by P. E. Shchegolev. In Russ.] // *Vechernij Peterburg*. 2000. 14 oktyabrya.
 SAFONOV M. M. *Krov' Pushkina i na semejtve Vyazemskih?* [Pushkin's blood and on the Vyazemsky family? In Russ.] // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. 2019. No. 3. S. 289–315.
 SAFONOV M. M. *Smert' poeta — zhizn' legendy* [The death of a poet is the life of a legend. In Russ.] // *Smena*. 1997. 24, 31 oktyabrya; no. 2.
 SHCHEGOLEV P. E. *Duel' i smert' Pushkina* [The duel and the death of Pushkin. In Russ.] St. Petersburg, 1999.
 SHCHEGOLEV P. E. *Istoriya poslednej dueli Pushkina: 4 noyabrya 1836 goda — 17 yanvarya 1837 goda* [The history of Pushkin's last duel: November 4, 1836 – January 17, 1837. In Russ.] // *Shchegolev P. E. Duel' i smert' Pushkina*. St. Petersburg, 1999. S. 27–144.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. М. Сафонов. «Агентка Геккерна» (А. А. Ахматова и Н. Н. Пушкина) // Петербургский исторический журнал. 2022. № 2. С. 167–173

Аннотация: В конце 1930-х гг. А. А. Ахматова начала работу над историей гибели А. С. Пушкина. Работа продолжалась до ее смерти. Накануне кончины Ахматова называла эти статьи «почти готовыми», но при жизни так и не отдала их в печать. Это обстоятельство необходимо учитывать при оценке этих сочинений. Э. Г. Герштейн назвала ахматовские штудии о гибели Пушкина «художественной концепцией» и выделила как отличительную их черту «воображение художника». По сути дела, они являются художественными произведениями, которым лишь придана форма документального исследования. Ахматова основывалась на классическом труде П. Е. Щеголева о последней дуэли Пушкина и представила гибель поэта таковой, каковой рисовало ее поэтическое воображение. От этого выдающегося пушкиниста Ахматова наследовала неприязнь к жене поэта, явившейся, по мнению ученого, главной виновницей роковой дуэли. Самое интересное в этом ахматовском цикле статей — язык, которым они написаны. В нем отразились характерные языковые особенности этого сложного времени, когда партийные и государственные деятели один за другим объявлялись шпионами иностранных государств.

Ключевые слова: А. А. Ахматова, агент, Н. Н. Пушкина, А. С. Пушкин, Ж. Дантес.

FOR CITATION

M. M. Safonov. “Agent of Hekkern” (A. A. Akhmatova and N. N. Pushkina) // Petersburg historical journal, no. 2, 2022, pp. 167–173

Abstract: In the late 1930s A. A. Akhmatova began to work on the history of the death of A. S. Pushkin. The work continued until her death. On the eve of the death of Akhmatova called these articles “almost ready”, but did not give them to print. This circumstance must be taken into account when evaluating these essays. E. G. Gerstein called Akhmatova’s studies about the death of Pushkin “artistic concept” and allocated as distinctive features “the artist’s imagination”. In fact, they are artistic works that the form of a documentary study. Akhmatova based on the classical work P. Shchegolev about the last duel of Pushkin. And presented the death of the poet, which painted her poetic imagination. From this outstanding pushkinist Akhmatova inherited hostility to the wife of the poet, who was the head of the fateful duel. The most interesting thing in this Akhmatova’s cycle of articles is the language they have been written. Language features of this difficult time, when party and government figures one after another declared spies of foreign states.

Key words: A. A. Akhmatova, agent, N. N. Pushkina, A. S. Pushkin, J. Dantes.

Автор: Сафонов, Михаил Михайлович — к. и. н., старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Author: Safonov, Mikhail Mikhailovich — PhD, Senior Researcher, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: m.safonov@list.ru